



## Предисловие

История жизни и личной борьбы Якова Кедми переплетается с важнейшими событиями в жизни государства Израиль и еврейского народа во второй половине XX столетия. Иногда он был рядовым участником событий, обладавшим острым и критическим взглядом, а иногда сам инициировал их. Благодаря своим способностям и уникальным личным качествам он руководил государственной службой, целью которой было обеспечение выезда евреев бывшего Советского Союза в Израиль. Но эта книга не история жизни одного человека, а в большей степени панорамное произведение, охватывающее исторический период, ставший определяющим для судьбы еврейского народа и государства Израиль и отраженный в истории жизни убежденного нонконформиста, любящего еврейский народ и свою страну, человека, который никогда не склонялся ни перед кем и ни перед чем.

В начале книги мы видим молодого еврейского юношу, уроженца Москвы, в одиночку борющегося за выезд в Израиль вопреки всем принятым в стране общественным нормам и без каких-либо шансов на успех. Эта борьба началась до, а закончилась после Шестидневной войны, в результате которой Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем. Первые части книги посвящены тому, как практически без посторонней помощи Яше удалось преодолеть все препятствия благодаря лишь собственному интеллекту, мужеству и непоколебимой вере в свои силы, в способность побеждать в самых

«безнадежных войнах», — не случайно именно это название он выбрал для своей автобиографии.

Вскоре после приезда в Израиль Яша пошел в армию, окончил офицерское училище, стал офицером разведки. Самые значительные события его армейской службы пришлось на войну Судного дня. Он воевал в танковом батальоне под командованием Эхуда Барака. Его размышления о войне, его видение боевых действий, рассказы о потерях, в том числе и близких ему людей, часто происходивших по вине командования; серьезный анализ неудач, просчетов и ошибок — все это превращает книгу в важное свидетельство непосредственного участника событий, в документ, выходящий за рамки личной истории.

Особый интерес представляет описание Яковом Кедми его непосредственного командира Эхуда Барака. Действия Барака описываются очень подробно: день за днем, иногда час за часом. Это редкое свидетельство о человеке, который впоследствии стал начальником Генерального штаба Армии Израиля, а потом премьер-министром и министром обороны. Тот, кто интересуется подлинными фактами об Эхуде Бараке как о человеке и командире, найдет для себя в книге много интересного.

Армия Израиля и израильский истеблишмент — элиты власти, как правые, так и левые — подверглись со стороны Кедми острой и бескомпромиссной критике. На протяжении всей книги, начиная с первого конфликта в офицерском училище и затем в рассказе о разнообразных событиях военной и политической жизни Израиля, раскрывается точка зрения «новоприбывшего», делавшего все возможное, чтобы найти свое место в новой стране, и вместе с тем постоянно анализирующего происходящее, в том числе и с учетом имевшегося у него советского опыта. Личные выводы автора по широкому спектру проблем отличаются особой остротой и четкостью.

Через некоторое время после войны по указанию премьер-министра Менахема Бегина Кедми начал работу в «Нативе» в качестве временного сотрудника. Со дня создания этой службы первым премьер-министром Израиля, Давидом Бен-Гурионом, «Натив», деятельность которого проходила под покровом абсолютной секретности, был своего рода закрытым клубом правящей элиты Израиля. Во главе организации был поставлен Шауль Авигур, который был близок и лично, и по своим политическим взглядам к основателю государства. Работники «Натива» отбирались с особой тщательностью, им безоговорочно доверяло израильское руководство. Проблема выезда евреев из стран за «железным занавесом», и особенно из Советского Со-

юза, требовала для своего разрешения особой осторожности. Это был период «холодной войны» между Восточным блоком во главе с СССР и Западным блоком во главе с США. Государственное руководство Израиля относилось в то время как идейно, так и политически к западному лагерю, несмотря на то что именно Восточный блок помог Израилю оружием в критические моменты войны за независимость. В первые годы существования организации перед «Нативом» были поставлены три основные задачи. Первая — установить и поддерживать как можно более широкие связи с евреями Восточной Европы, и особенно Советского Союза, общее число которых оценивалось в пять миллионов человек. Второе — проводить оперативную деятельность, способствующую выезду евреев в Израиль. Третье — инициировать и развивать общественную и политическую деятельность в странах Запада, в первую очередь в США, для оказания международного политического давления на власти Советского Союза, чтобы они предоставили евреям возможность выехать в Израиль. Руководство Израиля в первые двадцать пять лет существования государства проводило осторожную политику в этих вопросах. За эту четверть века Израилю удалось выстроить надежную систему стратегических отношений с Соединенными Штатами, которая начала приносить ощутимые плоды после Шестидневной войны. По мере строительства и развития этих отношений руководство Израиля считало, что ему необходимо действовать на советском направлении с особой осторожностью, чтобы не мешать политике Вашингтона по отношению к Москве. Руководители Советского Союза принимали во внимание близкие отношения между Израилем и Соединенными Штатами. И это было одной из причин, по которой они препятствовали выезду в Израиль тех евреев, у которых был допуск к государственным секретам.

В дополнение к этому в пятидесятых и шестидесятых годах стало ясно, что Израиль, его государственная и военная элита стали объектами повышенного интереса советских разведслужб. Из ставших известными фактов советского шпионажа в Израиле были такие, которые касались израильских ученых, а также и тех, кто был связан со стратегическими и политическими элитами Израиля.

Проблема выезда евреев Восточной Европы в Израиль включала в себя национальные, международные, политические и сионистские интересы. И в соответствии с принятым израильским руководством в то время подходом люди, занимавшиеся этими вопросами, должны были соответствовать требованиям абсо-

лютной политической лояльности и соблюдать строжайшие требования безопасности.

Вот в такую действительность окунулся «временный сотрудник» Яков Кедми. Это произошло вскоре после первой значительной для Израиля смены власти, которая привела к руководству страной Менахема Бегина. М. Бегин, разумеется, не считал, что требуется политическая верность власти со стороны всех поголовно работников «Натива». Но вместе с тем он хотел, чтобы во главе организации стоял человек, преданный ему политически. М. Бегин был также убежден в том, что осторожная политика Израиля во всем, что касается евреев за «железным занавесом», должна оставаться неизменной.

У Кедми был совершенно другой подход к этой проблеме, и он отстаивал свои взгляды и боролся за коренные изменения в израильской политике по вопросам выезда советских евреев. Он также настаивал на пересмотре подхода к Советскому Союзу и оценки его реальной силы, на изменении стратегии пропаганды, на усилении международного давления на Советы, которое нужно было организовать на Западе, и особенно в США. В большинстве случаев ему удалось добиться серьезных изменений в политике Израиля, и роль Кедми в том, что массовый выезд в Израиль в 90-х годах прошлого века стал историческим фактом, очень велика.

Во многих главах, посвященных «Нативу», перед читателем раскрываются не только все подробности тех событий, участником которых был сам Кедми, но и его взгляд на внутреннюю политическую жизнь Израиля. Это взгляд изнутри на израильское руководство глазами Якова Кедми. Он рассказывает историю межведомственной борьбы, и перед читателем проходят вереницей политические фигуры тогдашнего Израиля. Обо всем этом повествует государственный служащий, стремительно взлетевший по служебной лестнице, достигший без какой-либо помощи и политической поддержки должности руководителя организации, цель которой — выезд евреев в Израиль. Для него самого выезд в Израиль — часть его жизни, результат борьбы, которую он вел в одиночку.

Многолетняя, ведущаяся в последнюю четверть XX столетия, многосторонняя борьба за выезд евреев Советского Союза в Израиль затрагивала не только основные аспекты внешней и оборонной политики Израиля. Эта борьба была тесно связана и с отношениями с американским еврейством, с жаркими спорами по различным аспектам проблемы выезда, которые велись внутри американской еврейской общины. Должна ли борьба за

выезд евреев концентрироваться только на выезде в Израиль или евреям, выезжающим из-за разваливающегося «железного занавеса», должна быть предоставлена возможность выбрать США или другие страны? Иными словами, допустим ли так называемый отсев? У Кедми было четкое мнение по этому вопросу и определенная оперативная и политическая концепция — он считал необходимым предотвратить отсев всеми доступными средствами. Его концепция не всегда совпадала с мнением государственного руководства Израиля, как и с мнением некоторых руководителей американского еврейства. Яша Кедми с неизменным упорством отстаивал свои взгляды, и читателю предоставляется возможность познакомиться, с одной стороны, с его видением этой проблемы, а с другой — с точкой зрения по этому вопросу израильского руководства и лидеров американского еврейства того времени.

Большая волна репатриации из Советского Союза, которая началась в начале 90-х годов прошлого века, круто изменила Израиль. Кедми описывает свое восприятие образа этого еврейства, его различных лидеров и то, каким оно видит себя. Тот, кто действительно захочет понять, что происходило с этими людьми с того момента, как они прибыли в Израиль, получит, прочитав эту книгу, информацию из первых рук.

Чем определяются сложнейшие отношения между приехавшими в Израиль из бывшего Советского Союза и теми израильтянами, с которыми они встретились в новой стране? Как воспринимаются новоприбывшими Израиль и израильтяне и как новоприбывшие отнеслись к приему, ожидавшему их в Израиле? Как относится Яша Кедми к действиям израильских правоохранительных органов, которые в силу своего разума или, может быть, глупости видят признаки стратегической угрозы в лице прибывших к нам представителей «организованной преступности». У Кедми четкая и ясная позиция по этому вопросу, и он излагает ее со всей прямотой.

Заключительные части книги посвящены последней войне Якова Кедми в должности главы «Натива» — борьбе против серьезных сил в руководстве страны, которые стремились закрыть эту государственную организацию или существенно ограничить ее деятельность, утверждая, что цель достигнута и в деятельности «Натива» нет дальнейшей необходимости. В качестве директора Моссада я был свидетелем этой борьбы, и мне хорошо помнятся наши тогдашние встречи с Яшей Кедми, всегда дружеские и доброжелательные. В апогее этой борьбы он ушел в отставку, и премьер-министр назначил другого человека на его должность.

Я уверен, что Яша Кедми согласится с моим мнением, — после его ухода «Натив» изменился до неузнаваемости, и, по мнению многих, слава этой организации померкла.

Эта книга, с одной стороны, позволит израильскому читателю заглянуть в душу еврея, борца за свободу, — одинокого волка, который осуществил свою мечту выехать в Израиль. И который впоследствии вернулся на поле своей личной битвы во главе государственной службы, подобной которой нет ни в одном государстве в мире. На этот раз к его выдающимся личным качествам прибавился жизненный опыт, который помогал ему в достижении поставленных целей. С другой стороны, воспоминания Кедми позволят евреям из России еще раз с гордостью взглянуть на это великое событие — их выезд в Израиль — глазами непосредственного участника событий, одного из них. Что же касается израильского читателя, не выходящего из Советского Союза, то он сможет посмотреть на себя со стороны и, может быть, узнает и поймет о себе что-то новое.

Человек, прочитавший эту книгу, не останется равнодушным к написанному в ней.

И в заключение позволю себе личное замечание. Некоторые лица, описанные в этой книге в довольно нелицеприятном свете, известны и знакомы мне по нашей совместной прошлой деятельности. С некоторыми из них я сталкивался по делам службы в самые критические для истории Израиля моменты. Мое мнение по их поводу, основанное на опыте общения с ними, отличается от авторского. Такие люди, как Симха Диниц, который, кроме прочего, был послом Израиля в США во время войны Судного дня, или Цви Барак, который был начальником финансового отдела Еврейского Агентства во время операций по вывозу в Израиль евреев из районов опасности, оставили по себе совсем иное впечатление. Мой разнообразный опыт работы с членом Верховного суда, судьей Эльякимом Рубинштейном, резко отличается от того, что написано Яковом Кедми, и я рад, что отношусь к многочисленному кругу его друзей. Но эта книга написана Яковом Кедми, а не мной, это его мысли и его стиль. Его вклад и его заслуги позволяют, а возможно, и обязывают издать эту книгу.

Эфраим Халеви,  
бывший директор Моссада,  
бывший председатель Совета безопасности Израиля

## От автора

Это не автобиография. Скорее, речь идет о разрозненных воспоминаниях, которые я решил записать. Жизнь научила меня говорить только то, что нужно и можно. Так я и писал эту книгу.

Я работал над книгой в течение года, писал по памяти. Дневников у меня никогда не было, и поэтому я не пользовался документами или письменными источниками. Не исключено, что в тексте могут быть некоторые неточности. Однако я предпочел не пользоваться архивами «Натива» и других учреждений или частных лиц.

Я писал воспоминания на иврите, хотя этот язык для меня не родной. Тем не менее так мне было проще рассказать о многих событиях, которые описаны в книге.

Мне посчастливилось стать участником важных для моего народа и моей страны исторических событий. Некоторые аспекты нашей недавней истории лишь частично известны широкому кругу читателей.

Моя точка зрения далеко не всегда совпадает с общепринятой — это во многом связано с моим жизненным путем. Почти сорок лет я принимал активное участие во многих ключевых событиях, связанных с жизнью еврейского народа. Был одним из первых активистов, начавших борьбу за выезд из СССР. После репатриации принимал участие в общественной жизни и борьбе за изменение политики Израиля по отношению к евреям Советского Союза и их выезду с израильской бюрократией. Я пытался изменить политику страны в этом вопросе в соответствии с



моими взглядами. В конце концов решение этой проблемы стало моей профессией. Двадцать два года я проработал в одной из самых лучших спецслужб мира и удостоился чести стать ее руководителем. Таким образом, мне представилась возможность не только кардинально повлиять на эмиграцию евреев из СССР, но и оказать реальное влияние на судьбу государства Израиль и еврейского народа.

По соображениям секретности и из желания сконцентрироваться на сути происходящего я старался описывать только те события, в которых принимал непосредственное участие. Подробный и детальный анализ всех описываемых событий не входил в мои планы. Я также не претендую на исчерпывающее описание борьбы евреев за выезд из СССР; я пишу лишь о том, что видел собственными глазами.

Название книги «Безнадежные войны», на мой взгляд, наиболее полно отражает события всей моей жизни. В дальнейшем я объясняю, как и при каких обстоятельствах оно родилось.

Я очень признателен Реувену Мирану, Дуби Шилоаху и Йонадаву Навону, которые помогали мне советами во время работы над книгой. Но прежде всего я бесконечно благодарен моим родным и близким, которые поддерживали меня в самые разные периоды моей непростой жизни и поощряли взяться за перо.

Август 2008 г.

## 1

Черный пес — огромный, угрожающий, он намного больше меня. Этого пса все боятся. А я его не боюсь — мы дружим. Нам обоим примерно по три года. Его зовут Джульбарс, это моя собака. Я не понимаю, почему его все боятся. Он делает все, что я ему веляю. Я даже катаюсь на нем верхом.

Это мои первые воспоминания. Возможно, именно тогда я впервые почувствовал, что могу не бояться того, чего боятся другие. Я понял, что могу управлять тем, что внушает страх, точно так же, как своей кавказской овчаркой.

А потом Джульбарса увели. Сказали, что он слишком опасен. Я плакал и ужасно тосковал. Папа привел мне другого пса. Его звали Пиратом. Красивая немецкая овчарка. Такая же огромная, как Джульбарс. Мы очень быстро подружились. И на нем я мог кататься верхом и запрягать в саночки, и его боялись все, кроме меня. До сих пор очень люблю больших собак.

Второе детское воспоминание, которое врезалось мне в память: как меня в первый раз дразнили за то, что я еврей. Я не понял, о чем идет речь, но почувствовал, что это что-то плохое. Когда я пришел домой, то спросил родителей, что значит «еврей», потому что так обзывались ребята, которые меня дразнили. Почему они дразнят только меня?

Папа посмотрел на меня, потом на маму, а мама посмотрела на папу и тяжело вздохнула. И тогда отец объяснил мне, что это не ругательство, а дети — просто невоспитанные и пытаются меня обидеть. Евреи — это название народа, и мы принадлежим к этому народу. Есть и другие народы: русские, украинцы, французы. Что еще можно было сказать трехлетнему ребенку? Объяснить суть еврейской традиции и принципы отношений с антисемитами? Я понятия не имел, что такое антисемитизм.

Впоследствии я не раз сталкивался с антисемитизмом, распространённым в Москве, да и не только в ней, тех лет. Мне было почти шесть лет, когда заболел Сталин. За несколько месяцев до этого отец взял меня на демонстрацию, которая проходила на Красной площади в честь годовщины Октябрьской революции. Он посадил меня на плечи, мы шли в колонне мимо Мавзолея. Я видел Сталина и всю советскую правящую элиту. Как любознательный ребенок из интеллигентной семьи, я знал почти всех, кто стоял на трибуне Мавзолея: Молотова, Берию, Буденного с усами. Какой-то человек привлек мое внимание, и я спросил, кто этот смешной лысый дяденька, который все время размахивает шляпой. Отец посмотрел по сторонам и сказал, что в этом человеке нет ничего смешного, это очень важный человек и зовут его Никита Хрущев. Все это время Сталин глядел на проходящие по Красной площади колонны с трибуны Мавзолея. Таким я и запомнил Сталина.

Помню детский сад и двух русских воспитательниц в белых халатах. Одна из них сказала напарнице: нашего Сталина убивают евреи, все из-за них. От еврейских врачей одни неприятности, они накликают на нас беду. На всю жизнь я запомнил этот момент: уже тогда мне стало ясно, что эти вещи касаются и меня, и тогда меня охватил страх. Через несколько дней после этого я говорил с одним русским мальчиком в моей детсадовской группе. Он спросил: «А вдруг Сталин умрет?» Я закричал, что Сталин не может умереть, он будет жить вечно, мы все умрем, а он будет жить, потому что вот такой он, Сталин. Такова была вера. Абсолютная, почти религиозная вера в установленный великим Сталиным порядок, справедливее которого нет на свете.

Великий вождь был как бог, несмотря на провозглашаемый на государственном уровне атеизм.

Сталин умер через два дня. В первый (но не в последний) раз в жизни рухнули выстроенные мной представления о мире, которые казались мне идеальными и справедливыми, в которые я пылко и безоговорочно верил. Для шестилетнего ребенка такой урок был шоком. Сталин умер как раз в тот день, когда мне исполнилось шесть лет, 5 марта 1953 года.

Я родился в типичной советской еврейской семье. Моя мама родилась уже в Москве. Ее родители переехали туда с Украины в конце XIX века. Москва тогда была за пределами черты оседлости, но семья получила разрешение на жительство в Москве. Отец родился в Смоленске. Мой дед со стороны отца приехал в Смоленск из Самары. Моя бабушка со стороны отца была родом из Западной Белоруссии. В 1945 году отец окончил немецкий факультет Военного института иностранных языков и через Москву направлялся в свою часть, которая располагалась в Австрии. В вагоне метро он заметил красивую еврейскую девушку. Маме тогда было 19 лет. Он заговорил с ней, они назначили свидание, вскоре поженились, и отец проследовал дальше в свою часть.

Я учился в той же школе, которую окончил мой дядя, родной брат матери. Треть учеников в его классе были евреями. Мамин брат, Шурик, окончил школу 21 июня 1941 года. Все ребята из его выпуска, кроме одного, погибли на войне. Он пошел добровольцем в танковые войска и погиб в сражении неподалеку от Москвы. Ему было всего двадцать лет. В его честь назвали моего младшего брата Шурика. Мой дед по отцовской линии, в честь которого меня назвали Яковом, тоже погиб на войне. У его вдовы, моей бабушки, было четыре сестры, которые остались в России. Остальная часть семьи, в том числе шесть сестер и брат, еще во время Первой мировой войны успели эмигрировать в США. Бабушка и ее четыре сестры не успели выехать. Все они вышли замуж за евреев, и ни один из них не вернулся с войны. У всех родились сыновья, которые по окончании школы пошли служить в армию. Мой второй дед по материнской линии тоже служил в армии во время войны, в чине капитана.

Мама, пусть земля будет ей пухом, в возрасте пятнадцати лет участвовала в обороне Москвы. Когда немцы подошли к столице, сотни тысяч жителей пешком покидали город. Мама и бабушка остались. У них и в мыслях не было уходить, даже если немцы возьмут город. Когда я спросил маму почему, она объяснила, что никто еще не знал о зверствах фашистов. Вместе с другими ре-

бьятами по ночам она носилась по крышам под немецкими бомбежками и гасила падающие зажигалки. А еще они пытались ловить немецких шпионов, которые направляли бомбардировщики на цели. Мама получила медаль «За оборону Москвы».

В 1943 году, когда маме было уже почти семнадцать, ее вызвали на беседу в одну из спецшкол НКВД. Ей предложили поступить на службу, где ее сначала должны были учить подрывному делу и радиосвязи, чтобы потом выбросить с парашютом в немецкий тыл вместе с группой разведчиков. Мама подумала над этим предложением и отказалась. Когда я спросил почему, она ответила, что не думала, что подходит для этого.

Такова была атмосфера, в которой я рос и воспитывался, атмосфера и наследие моей семьи.

Один странный случай произошел с мамой незадолго до того, как я родился. Когда она была беременна мной, мимо ее дома прошла толпа цыган. Молодая цыганка подошла к маме и сказала: идем со мной, я тебе погадаю. Мама была комсомолкой и не верила в предрассудки, а потому отказалась. «Не уходи, — уговаривала ее цыганка, — лучше выслушай, что тебе, жалко?» В конечном итоге цыганка убедила маму и сказала: «У тебя родится сын. Если этот сын доживет до года, то, когда вырастет, увезет вас всех в далекую страну за морем». Мама с недоверием выслушала цыганку. Все это произошло в 1946 году, когда в СССР процветали доносы и одна мысль о желании выехать из страны могла стоить десяти лет заключения.

Мама вспомнила о цыганке, когда я начал борьбу за выезд. Однако сам рассказ я услышал от нее только после ее приезда в Израиль.

## 2

Мое детство было обычным для ребенка из ассимилированной московской еврейской семьи 50-х годов XX века.

Мама не говорила на идиш. Папа знал этот язык и иногда говорил со своей мамой на идиш. Я вырос в советском обществе, в Москве, где говорили на русском языке. Я знал, что я еврей, однако мое еврейство и государство Израиль были от меня слишком далеки.

В 1956 году отец рассказал мне, что видел израильскую делегацию на Фестивале молодежи и студентов и был приятно удивлен их молодой уверенностью в себе и ощущением радости, которое исходило от этих девушек и ребят. Еще раз зашла речь

об Израиле во время Синайской войны. Больше об этом не говорили до самого суда над Эйхманом.

Когда я подросток, все, связанное с понятием «евреи», вызывало мое любопытство и интерес. В школе я мало сталкивался с евреями, а если о евреях иногда и писали в газетах, то обычно с отрицательным оттенком. Когда мне было девятнадцать лет, в период экзаменов в институте я разговорился с одним знакомым еврейским парнем. Он сказал, что у него есть кое-какие брошюры, и предложил мне их почитать. Не дожидаясь моего ответа, он протянул мне небольшой буклет с общими сведениями об Израиле и еврейским календарем на обложке. Это был календарь на русском языке, который напечатали в Израиле и привезли в СССР с помощью организации «Натив» в попытках пробудить национальные чувства среди еврейского населения.

Листая брошюру, я обратил внимание на фотографии людей. Некоторые из них были моими сверстниками. Меня охватило странное чувство — ощущение причастности к тому, о чем я сейчас читаю. Когда я закончил просматривать календарь, я пошел прогуляться. Я всегда любил ходить и думать. И я задумался: почему они там, а я здесь? Если я еврей и есть еврейское государство, почему я должен находиться вне его? Это было смешение чувств и мыслей, которое странным образом захватило меня.

С этого момента я потерял покой. Целые дни я думал об этом и в результате сформулировал для себя важный вопрос: могу ли я позволить себе не быть частью того, что происходит в еврейском государстве с еврейским народом? Могу ли я растрачивать жизнь на другие вещи, которые по сравнению с этим лишены всякого смысла? Я почувствовал, что обратной дороги для меня нет.

Я не могу объяснить — по крайней мере, с рациональной точки зрения, — почему это произошло. Все, что интересовало меня раньше, вдруг потеряло всякую ценность. Видимо, наконец вырвалось все, что накопилось за годы, прошедшие с того момента, когда я впервые услышал презрительное обращение: «Еврей!» Все, от чего я пытался отрешиться, о чем я пытался не думать, все недомолвки, неясное ощущение своей национальной принадлежности, — все это тихо тлело во мне, дожидаясь подходящего момента. Впервые я почувствовал гордость за то, что я еврей, и эта гордость была связана с Израилем. Я скорее ощутил, чем осознал, что хочу гордиться собой, жить с самим собой в мире, но это возможно только в Израиле. Любая другая альтернатива подразумевала компромиссы и самообман. Решение

было принято еще до того, как я полностью осознал его суть и последствия. Я просто не мог иначе.

Через несколько дней, в начале февраля 1967 года, я пришел в синагогу. Раньше я там не бывал. Однажды мы ехали с отцом в автобусе, он показал мне в окне какое-то здание: «Видишь, там стоят люди? Это евреи пришли праздновать еврейский Новый год». Тогда я пропустил его слова мимо ушей, хотя место запомнил. Войдя в синагогу, я подошел к какому-то старику и спросил: «Не знаете ли вы адрес израильского посольства?» Он испуганно посмотрел на меня, потом огляделся по сторонам и дал мне адрес. В те далекие времена в СССР нельзя было получить адрес посольства. Советский человек, да еще и еврей, обычно держался подальше от иностранных посольств, в особенности западных, не говоря уже об израильском.

Я решил пойти и посмотреть на израильское посольство, хотя понятия не имел, что буду там делать. Я прошелся по противоположной стороне улицы, увидел открытые ворота и вывеску с ивритскими буквами. Перед зданием прохаживался милиционер. Я принял решение в мгновение ока: перешел на другую сторону улицы и размеренным шагом, как обычный прохожий, двинулся к милиционеру. Он бросил на меня взгляд и продолжал следить за улицей. Видимо, не заметил во мне ничего подозрительного. Я рассчитал шаги до момента, когда я дойду до ворот, а милиционер окажется спиной ко мне. Я ринулся в ворота и через мгновение оказался внутри. Милиционер обернулся, но не успел меня схватить: я был уже на территории посольства. Он помчался в будку звонить. Я вспомнил сказанное Юлием Цезарем: «Рубикон перейден!» Прорыв в посольство был шагом, после которого обратного пути не оставалось.

Слева во дворе был гараж. Из него вышел невысокий человек и быстрыми шагами направился ко мне. С первого взгляда я понял, что это советский гражданин и нееврей. Он подошел ко мне и, как принято, грубо прикрикнул: «Катись отсюда!» Я сказал ему тихим голосом, что здесь территория государства Израиль и нечего ему здесь хозяйничать, пусть катится в свой ср...ый гараж и занимается делом. Я прошел московскую «дворовую» школу, где приобрел богатый запас лексики, которая была, мягко говоря, не совсем нормативной. Там же я понял, что перед такими людьми нельзя проявлять слабину, с ними говорят на языке приказов и как можно грубее. Форма речи, язык тела, взгляд — все это очень важно. Я видел, что этот человек уже на грани срыва, но я знал, что он мне ничем не угрожает. И в самом деле, он понял, что ему больше делать нечего, и направился обратно в гараж. Я оглядел-